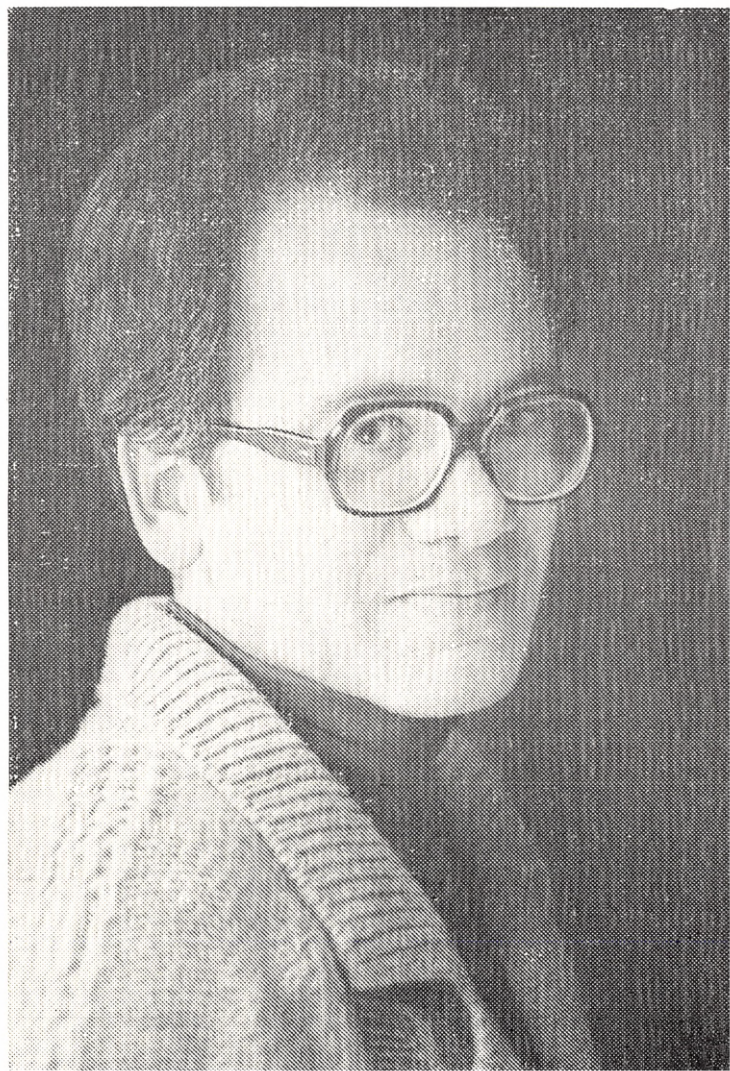

АЛЕКСАНДР
КУШНЕР

Таврический сад

АЛЕКСАНДР
КУШНЕР
Ставрический сад

СЕДЬМАЯ КНИГА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Ленинградское отделение
1984

ББК 84.Р7
К 96

Художник Эвелина Соловьева

К $\frac{4702010200-328}{083(02)-84}$ 198-84

© Издательство «Советский писатель», 1984

НА ЯЗЫКЕ ЛИСТВЫ

* * *

Небо ночное распахнуто настезь — и нам
Весь механизм его виден: шпыньки и пружинки,
Гвозди, колки... Музыкальная трудится там
Фраза, глотая помехи, съедая запинки.

Ночью в деревне, шагнув от раскрытых дверей,
Вдруг ощущаешь себя в золотом лабиринте.
Кажется, только что вышел оттуда Тезей,
Чуткую руку на нити держа, как на квинте.

Что это, друг мой, откуда такая любовь,
Несовершенство свое сознающая явно,
Вся — вне расчета вернуться когда-нибудь вновь
В эти края, а в небесную тьму — и подавно.

Кто этих стад, этой музыки тучной пастух?
Небо ночное скрипучей заведено ручкой.
Стынешь и чувствуешь, как превращается в слух
Зренье, а слух затмевается серенькой тучкой.

Или слезами. Не спрашивай только, о чем
Плачут: любовь ли, обида ли жжется зсмная, —
Просто стоят, подпирая пространство плечом,
Музыку с глаз, словно блещущий рай, вытирая.

* * *

Ночной листвы тяжелое дыханье.
То всхлипнет дождь, то гулко хлопнет дверь.
«Ай, ай, ай, ай», — Медеи причитанье
Во всю строку — понятно мне теперь.

Не прочный смысл, не выпуклое слово,
А этот всплеск и вздох всего важней.
Подкожный шум, подкладка и основа,
Подвижный гул подвернутых ветвей.

Тоске не скажешь: «Встань, а я прилягу.
Ты посиди, пока я полежу».
Она, как тень, всю ночь от нас ни шагу,
Сказав во тьму: «За ним я пригляжу».

Когда во тьме невыспавшийся ветер
Находит нас, неспящих, чуть живых,
Нет ничего точнее междометий,
Осмысленней и горестнее их.

Кто мерил ночь неровными шагами,
Тот знает цену тихому «увы!».
Все, все, что знает жалкого за нами,
Расскажет ночь на языке листвы.

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Пиджак безжизненно повис на спинке стула.
Ночная бабочка на лацкане уснула.
Где свет застал ее — там выдохлась и спит.
Где сон сморил ее — там крылья распластала.
Вы не добудите ее: она устала.
И желтой ниточкой узор ее прошит.

Ей, ночью видящей, свет кажется покровом
Сплошным, как занавес, но с краешком багровым.
В него укутанной, покойно ей сейчас.
Ей снится комната со спящим непробудно
Во тьме, распахнутой безжалостно и чудно,
И с беззащитного она не сводит глаз.

* * *

Ах, эта ночь, этот плащ на железном гвозде,
Жирная зелень и яркая лампа в сто ватт.
Лампу гашу, но нельзя же сидеть в темноте!
И мотыльку говорю я: «Ты сам виноват».

Загримированным кажется сад, но никак
Сообразить не могу, подо что, под кого?
Если б листва не кипела, не ерзала так,
Мне, может быть, разгадать удалось бы его.

Кто-то томится, и тополь подходит к нему,
Сбить предлагая жестокое пламя и пыл.
В августе бог принимает, как врач, на дому,
Если пойти к нему, скажет: «Ты сам полюбил».

Падают звезды. С шоссе ударяют лучи
Белых, сверкающих, словно заплаканных фар.
Сколько здесь бархата, шелка, фланели, парчи!
Глянцево-гладкий, волнисто-ворсистый кошмар.

Весь он умрет... по сравнению с тем, кто не весь,
В лире продлившись, — его безнадежны дела.
Что до любви, то она бы сошла за болезнь,
Если б любовь, как болезнь, излечима была.

Передо мной то зеленый провал, то пятно,
То содроганье и приступ с захлестом тугим.
Сад бы напомнил безумие, если б оно
В шуме листвы не казалось прекрасным таким!

* * *

«За всё, за всё...»

Лермонтов

За что? За ночь. За яркий по контрасту
С ней белый день и тополь за углом,
За холода, как помните, за астму
Военных астр, за разоренный дом.
Какой предлог! За мглу сырых лужаек,
За отучивший жаловаться нас
Свинцовый век, за четырех хозяек,
За их глаза, за то, что бог не спас.

За все, за все... Друзья не виноваты,
Что выбираем их мы второпях...

За тяжких бед громовые раскаты,
За шкафчик твой, что глаженьем пропах,
За тот смешок в минуту жизни злую,
За все, чем я обманут в жизни был,
За медь дубов древесную сырую
И за листву чугунную перил.

* * *

Спи, спи, пока ты спишь, я буду у стола
Читать или писать — и сон твой будет сладок,
И будет мгла его, уступчатая мгла,
Подсвечена лучом в одной из чудных складок.

Спи, спи, не страшно спать, когда товарищ есть
По рыхлой тьме ночной, склоненный над работой, —
Все, все, что напишу, и все, что я прочесть
Успею, в этот час покрыто позолотой.

На лампу я платок накину с бахромой,
И если ты во сне посмотришь сквозь ресницы,
Наложится на них ряд частый, шерстяной,
И сквозь двойной заслон не сможешь ты пробиться.

Но вынырнув из сна, чтоб вновь зарыться в сон,
Успеешь ощутить в неверном промежутке,
Что явь волшебней сна, что лампой освещен
Засученный рукав, и тени странно чутки.

Спи, спи, пока ты спишь, часа на полтора
Обгонит жизнь тебя, но это отставанье
Не страшно потому, что слышен скрип пера,
Дыхание страниц и шторы колыханье.

* * *

О чем говорил я? Ведь смертные наши слова
В себе заключают так много, а значат так мало.
Особенно летом, особенно ночью... Листва
В окне приоткрытом твой слух у меня отбивала.

То ночь отбивала тебя у меня. Расскажи,
Что может листва человеку нашептывать в ухо?
Мне с ней не тягаться. Ей ласточки служат, стрижи,
И ветер, и дождик, и клоч тополиного пуха.

И если я что-то тебе о стихах говорил,
То там, за окном, ненаписанных больше томилось,
А если о счастье, то как же наивен я был,
Как беден, а счастье вспухало в окне и клубилось!

Сползало, как оползень, на плечи любящим, мук
Их знать не хотело, плескалось и жарко дышало,
И я на полслове затих и заслушался вдруг,
И если бы умер, то жить захотел бы сначала.

* * *

По рощам блаженных, по влажным зеленым холмам.
За милою тенью, тебя поджидающей там.
Прекрасную руку сжимая в своей что есть сил.
Ах, с самого детства никто тебя так не водил!

По рощам блаженных, по волнообразным, густым,
Расчесанным травам — лишь в детстве ступал по таким!
Никто не стрижет, не сажает их — сами растут.
За милою тенью. «Куда мы?» — «Не бойся. Нас ждут».

Монтрей или Кембридж? Кому что припомнить дано.
Я ахну, я всхлипну, я вспомню деревню Межно,
Куда с детским садом в три года меня привезли, —
С тех пор я не видел нежней и блаженней земли.

По рощам блаженных, предчувствуя жизнь впереди
Такую родную, как эти грибные дожди,
Такую большую — не меньше, чем та, что была.
И мята, и мед, и, наверное, горе и мгла.

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

* * *

Страна, как туча за окном,
Синеет зимняя, большая.
Ни разговором, ни вином
Не заслонить ее, альбом
Немецкой графики листая,
Читая медленный роман,
Склоняясь над собственной работой,
Мы все равно передний план
Предоставляем ей; туман,
Снежок с фонарной позолотой.

Так люди, ждущие письма,
Звонка, машины, телеграммы,
Лишь частью сердца и ума
Вникают в споры или драмы,

Поступок хвалят и строку,
Кивают: это ли не чудо?
Но и увлекшись — начеку:
Прислушиваются к чему-то.

* * *

Нет лучшей участи, чем в Риме умереть.
Проснулся с гоголевской фразой этой странной.
Там небо майское умеет розоветь
Легко и молодо над радугой фонтанной.

Нет лучшей участи... Похоже на сирень
Оно, весеннее, своим нездешним цветом.
Нет лучшей участи, — твержу... Когда б не тень,
Не тень смертельная... Постой, я не об этом.

Там солнце смуглое, там знойный прах и тлен.
Под синеокими, как пламя, небесами
Там воин мраморный не в силах встать с колен,
Лежат надгробия, как тени под глазами.

Нет лучшей участи, чем в Риме... Человек
Верстою целою там, в Риме, ближе к богу.
Нет лучшей участи, — твержу... Нет, лучше снег,
Нет, лучше белый снег, летящий на дорогу.

Нет, лучше тучами закрытое на треть,
Снежком спящее, туманы и метели.
Нет лучшей участи, чем в Риме умереть.
Мы не умрем с тобой: мы лучшей не хотели.

Ваш выход — на мороз, и зрители выходят
На улицу, где им так холодно играть,
Где полчища машин с них ярких фар не сводят,
Где снег перестает, чтоб сыпаться опять,
А город ледяной напоминает сцену,
Каких актеров он видал, — не нам чета!
И снежную в садах сильнее взбивает пену,
И гонит снежный прах с покатога моста.

Любимая, ну что ж, работа, как работа
Любая, и любовь, как всякая любовь.
Но ломкий голос твой! Откуда эта нота?
Уйми ее, умерь, смирись, не прекословь.
Быть может, классицизм, в его закатном блеске,
Трагическую роль навязывает здесь,
И входит грозный рок в обыденные пьески,
И снегом женский смех в сырую втянут смесь.

Прохожий на ходу смешно руками машет,
С собою говорит... оклики чудака, —
Безумно поглядит... тебе он не расскажет,
Что мучает его и гонит сквозь века.
Быть может, если снять трагическую маску
С фронта... может быть, она всему виной...
Лиловую стереть с ночного неба краску,
На свет не выходить, прокрасться стороной...

* * *

В тридцатиградусный мороз представить света
Конец особенно легко.
Трамвай насквозь промерз. Ледовая карета.
Сухое, пенное, слепое молоко.

И в наших комнатах согреться мы не в силе.
Кроваво-красную не взбить в прожилке ртуть.
Весь день в России
За край и колется, и страшно заглянуть.

Так вот он, оползень! Они смешны с призывом
В мороз открытыми не оставлять дверей.
Сыпучий оползень с серебряным отливом.
Как в мире холодно, а будет холодней.

Так быстро пройден путь, казавшийся огромным!
Мы круг проделали — и не нужны века.
Мне все мерещится спина в дыму бездомном
Того нелепого, смешного седока.

Он ловит петельку, мешать ему не надо.
Не окликай его в тумане и дыму.
Я мифологию Шумера и Аккада
Дней пять вожу с собой, не знаю почему.

Всех этих демонов кто вдохновил на буйство?
То в плач пускаются, то в пляс.
Бог просит помощи, его приводят в чувство.
Табличка с текстом здесь обломана как раз.

Табличке глиняной нам не найти замену.
Жаль царств развеянных, жаль бога-пастуха.
Как в мире холодно! Метель взбивает пену.
Не возвратит никто погибшего стиха.

СНЕГ

Ах, что за ночь, что за снег, что за ночь, что за снег!
Кто научил его падать торжественно так?
Город и все его двадцать дымящихся рек
Бег замедляют и вдруг переходят на шаг.

Диск телефона не стану крутить — все равно
Спишь в этот час, отключив до утра аппарат.
Ах, как бело, как черно, как бело, как черно!
Царственно-важный, парадный, большой снегопад.

Каждый шишак на ограде в объеме растет,
Каждый сучок располнел от общественных сумм.
Нас не затопит, но, видимо, нас заметет:
Все Геркуланум с Помпеей приходят на ум.

В детстве лишь, помнится, были такие снега.
Скоро останется колышек шпилья от нас,
Чтобы Мюнхгаузен, едущий издалека,
К острому шпилью коня привязал еще раз.

* * *

На петербургских старинных гравюрах
Снег не лежит на дворцах и скульптурах
И не идет никогда.
Вечнозеленые кроны густые,
А на Неве — мотыльки кружевные
И голубая вода.

Видно снесенную церковь Земцова,
Блещет зарытый канал.
Главного штаба еще никакого
Нет: вместо штаба — провал.

Пушкин еще не родился. Сгружают
Финский гранит, золотят, наряжают,
Щеголь глядит на возню.
Что-то еще выпирает неловко,
Но присмотритесь: идет подготовка
К майскому этому дню.

Едет читатель в карете куда-то
Цугом, с шутком и людьми...
Гоголь? Еще для него рановато,
Пусть подождет за дверьми.

Мойка, Фонтанка, Мильонная, Невский...
Улиц, где мог бы гулять Достоевский,
Нет. Значит, может не быть
Этих горячечных снов, преступлений?
Или, как дом, запланирован гений:
Строить здесь будут и рыть?

Что же до мест, где мы нынче гуляем,
Нет и в проекте их, — где-то за краем
Рамки, гравюры, листа,
Там, где художник сорит и сдувает
Пыль, и само провиденье не знает,
Как повернет и куда?

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Тем и нравится сад, что к Тавриде склоняется он,
Через тысячи верст до отрогов ее доставая.
Тем и нравится сад, что долинам ее посвящен,
Среди северных зим — берегам позлащенного края,
И когда от Потемкинской сквозь его дебри домой
Выбегаю к Таврической, кажется мне, за оградой
Ждет меня тонкорунное с желтой, как шерсть, бахромой,
И клубится во мгле, и, лазурное, грезит Элладой.

Тем и нравится сад, что Россия под снегом лежит,
Разметавшись, и если виски ее лижут метели,
То у ног — мушмула и, смотри, зеленеет самшит,
И приезжий смельчак лезет, съезжившись, в море
в апреле!

Не горюю. Мы еще перепишем судьбу, замело
Длиннорогие ветви сырой грубошерстною пряжей,
И живое какое-то, скрытое, мнится, тепло
Есть в любви, в языке — потому и в поэзии нашей!

* * *

На всех людей, что жили на земле,
Где взять другую жизнь? Ее не хватит.
Подумай сам: ведь надо всех в тепле
Держать, как персик в войлоке иль вате.

Когда в трамвае въедешь в жилмассив,
Где мириады высвечены окон,
Махнешь рукой: навряд ли тот, кто жив,
Вновь будет жить, прорвав смертельный кокон.

За те края, где льется ровный свет,
Где не стареют в горестях и зимах.
Он и не мыслит счастья без примет
Топографических, неотразимых.

ПАВЛОВСК

Холмистый, путаный, сквозной, головоломный
Парк, елей, лиственниц и кленов череда,
Дуб, с ветвью вытянутой в сторону, огромной,
И отражающая их вода.

Дуб, с ветвью вытянутой в сторону, огромной,
С вершиной сломанной и ветхою листвой,
Полуразрушенный, как старый мост подъемный,
Как башня с выступом, военный слон с трубой.

И, два-три желудя подняв с земли усталой,
Два-три солдатика с лежачею судьбой,
В карман их спрятали... что снится им? Пожалуй,
Рим, жизнь на пенсии и домик типовой.

Природа, видишь ли, живет, не наблюдая,
Вполне счастливая, эпох, веков, времен,
И ветвь дубовая привыкла золотая
Венчать храбрейшего и смотрит: где же он?

И ей на вышколенных берегах Славянки,
Где слиты русские и римские черты,
То снег мерещится и маленькие санки,
То рощи знойные и ратные ряды.

* * *

И в следующий раз я жить хочу в России.
Но будет век другой и времена другие,
Париж увижу я, смогу увидеть Рим
И к невским берегам вернуться дорогим.

Тогда я перечту стихи того поэта,
Что был когда-то мной, но не поверю в это,
Скажу: мне жаль его, он мир не повидал.
Какие б он стихи о Риме написал!

И новые друзья со мною будут рядом.
И, странно, иногда, испытывая взглядом
Их, что-то буду в них забытое искать,
Но сдамся, не найду, рукой махну опять.

А та, кого любить мне в будущем придется...
Но нет, но дважды нам такое не дается.
Счастливей будешь там, не спорь, не прекословь.
Ах, если выбирать, я выбрал бы любовь!

ПОД БУРЕЙ, ПОД ВЕТРОМ

* * *

Любовь, уступчивость, боязнь обидеть словом,
Ведь слово колетя, как шарфик шерстяной...
Такая ласковость, когда на все готовым
Стоишь уступчатой, расколотой стеной,
В земных условиях зимы и жесткой стужи
Небесной кажется, хотя насчет небес
У нас сомнения, и так мы неуклюжи
И свой преследовать привыкли интерес,
Что в беззащитности, на самом дне, таится
Не то что выгода, а все же тень ее,
Но пусть свидетельницей будет эта птица,
Полунебесное ведущая житье,
Я так люблю тебя, что мне не до уловок.
И птицам нравится в бойницах гнезда вить.
Мне б не спугнуть тебя, да знаю, что неловок,
Не сбросить веточку и камень не свалить,

* * *

Любовь не связана с благоустройством.
Нет перспективы в жизни у нее.
Она глядит с тоской и беспокойством
На занавески, на жильё.

Как недоверчивость ее понятна к этим
Диванам и столам!
На них, стоящих здесь при лампы ярком свете,
Как положиться ей: ведь все решилось там.

И эта ласточка, наверное, за нею
Примчалась из страны теней.
На фоне зелени сквозной еще бледнее
Лицо, еще милей.

Зачем, крылатая, вид делаешь, что с юга?
В ночь не заманивай и скряться не спеши,
Но сделай круг еще, прошу, еще полкруга,
Ведь мы гнезда не вьем, помедли, покружи.

* * *

Какая-то птица спросонок в гнезде встрепенулась.
О, как хорошо мы в ночной угнездились тени!
Откуда я знаю, что ты в темноте улыбнулась?
Но знаю! Улыбка, наверное, солнцу сродни.

Еще потому, что подушка, набитая пухом,
Какие-то птички внушает короткие сны,
Я весь начеку, словно птица, — что делать со слухом?
В нем треск застревает, и шорох, и шелест весны.

И странно, что в этом огромном, распахнутом мире,
Не склонном кого-то щадить, вообще выделять,
Есть эта возможность вдвоем оказаться в квартире.
О, ночь, в твоих складках так страшно, так весело спать!

Наверное, в скалах, в расселинах их и разломах
Так ласточки виснут, за счастье цепляясь крылом,
Под бурей, под ветром... нелепый какой-нибудь
промах...
В каком мы прекрасном и бедственном мире живем!

* * *

Стихи, в отличие от смертных наших фраз,
Шумят ритмически, как дерево большое.
Когда знакомятся, то имя, в первый раз
Произнесенное, смущает нас, чужое.

В них смысл проглядывает, словно из-за штор,
Переливается, как вещей сон под веком.
Когда знакомятся, то мнится: есть зазор
Меж легким именем и новым человеком.

Стихи прекрасные тем лучше, чем темней, —
Глазами пробовал на них взглянуть твоими.
В затылок строится весь ряд грядущих дней,
Когда родители дают ребенку имя.

Поосторожнее! Его судьбу своим
Неверным выбором навек определите.
Пеклась и нянчилась со словом стиховым,
Внимала голосу, готовилась к защите.

Поэты правильно читают — не чтецы.
И ленту с записью пускала вновь по кругу.
На имя, видимо, не матери — отцы
Влияют отчеством: идет подбор по звуку.

Нас познакомили. Играл на полках блик,
Скользил по комнате, по елочкам паркета.
Грустить не велено. И не вернуть тот миг,
Несовпадение, подобие просвета!

* * *

Твой голос в трубке телефонной,
Став электричеством на миг,
Разъятый так и угнетенный,
Что вид его нам был бы дик,
Когда бы слово «вид» имело
При этом смысл какой-нибудь,
Твой голос, сжатый до предела,
Во тьме проделав долгий путь,
Твой голос в трубке телефонной
Неуследимо, в тот же миг,
Из тьмы, ничуть не искаженный,
Как феникс сказочный возник.

Уж он ли с жизнью не прощался,
Уж он ли душу не терял
И страшно перевоплощался
В толченый уголь и металл?
И этот кабель, и траншея,
И металлическая нить
Невероятней и сложнее
Души бессмертья, может быть.

* * *

И нашу занятость, и дымную весну,
И стрижку ровную, машинную газонов,
Люблю я плеч твоих худую прямизну,
Как у египетских рабов и фараонов.

В бумажном свитере и юбке шерстяной
Над репродукциями радужных эмалей
Как будто бабочек рассматриваешь рой,
Повадку томную Эмилий и Амалий.

И странной кажется мне пышнотелость дам,
Эмалевидная их белизна и нега.
Захлопни рыхлый том: они не знают там
Ни шага быстрого, ни хлопотного века.

Железо — красные тона давало им,
И кобальт — синие, и кисть волосяная
Писала тоненько, — искусством дорогим
Любуюсь сдержанно — чужая жизнь, иная!

На что красавица похожа? На бутыль.
Как эту скользкую могли ценить покатость?
Мне больше нравится наш угловатый стиль,
И спешка вечная, и резкость, и предвзятость.

* * *

Мне снился сон: ты в тамбуре с другим,
Вы шепчетесь, ты едешь, уезжаешь,
И холодно, и дождь, и едкий дым,
Лишь с ним ты говоришь, ему киваешь,

Его не рассмотреть мне, боже мой,
Как заняты вы тайным разговором!
Что делать мне? Домой идти, домой,
Под дождиком домой идти с позором.

Мне снился сон: ты с кем-то у окна
Вагонного, ты едешь, уезжаешь,
Меня уже не слушаешь, бледна,
Меня уже, забыв, не замечаешь,
Какой-то сверток, стянутый тесьмой,
Зайдя в купе, я должен взять с собою,
И плачу я, что этой ерундой
Я занят в этот миг, простясь с тобою.

* * *

В одном из ужаснейших наших
Задымленных, темных садов,
Среди изувеченных, страшных,
Прекрасных древесных стволов,
У речки, лежащей неловко,
Как будто больной на боку,
С названьем Екатерингофка,
Что еле влезает в строку,
Вблизи комбината с прядильной
Текстильной душой нитяной
И транспортной улицы тыльной,
Трамвайной, сквозной, объездной,
Под тучей, а может быть, дымом,
В снегах, на исходе зимы,
О будущем, непредставимом
Свиданье условились мы.

Так помни, что ты обещала.
Вот только боюсь, что и там
Мы врозь проведем для начала
Полжизни, с грехом пополам,
А ткацкая фабрика эта,
В три смены работая тут,
Совсем не оставит просвета
В сцеплении нитей и пут.

* * *

Какой-то волосок мешает говорить.
Ресничка к языку колючая пристала.
В глаза я целовал тебя: простить, забыть,
Простить просил, забыть, простить, начать сначала.

Под веками в тени — два сумрачных зрачка,
И быстрый поцелуй, как солнце их слепящий.
Не хмурься, подтверди, что жизнь горька, легка,
Горька, легка, горька, но знаем: смерть не слаще.

Казалось, что споткнусь, что их не два, а три.
И лишний поцелуй тому из них достался,
Что крепче был прикрыт. Зажмурься, не смотри!
И правый глаз хитрил, а левый притворялся.

Обидчивость не есть врожденная черта,
А кто-то виноват: друзья, дожди, подруги...
И ерзал солнца луч по зарослям туда,
Сюда, туда, пока не залил все в округе.

* * *

На берегу реки, название которой
Гремит на всю страну, — не знал я, что она
Такой домашней быть умеет, как за шторой
Стакан или халат, — тиха так и скромна,
На берегу реки, на травке влажноватой
Мы, вдвое плед сложив, похлопав по нему,
Легли, уставив взор в небесный свод покатый,
Нет, берег был покат, — дай крепче обниму.

На берегу реки, державшей путь к столице
Среди глухих кустов и маленьких церквей,
Казалось: жизнь ушла — лишь мокрые ресницы
Остались, да любовь, да облачко над ней.
Не страшно умереть. Другой такой минуты,
Счастливейшей такой не будет для двоих, —
Ведь все равно придешь, приходи ж сейчас, окутай
Их милосердной тьмой... Но смерть щадила их.

* * *

И хотел бы я маленькой знать тебя с первого дня,
И когда ты болела, подушку взбивать, отходить
От постели на цыпочках... я ли тебе не родня?
Братья? Сорок их тысяч я мог бы один замешить.

Ах, какая печаль — этот пасмурный северный пляж!
Наше детство — пустыня, так медленно тянутся дни.
Дай мне мяч, все равно его завтра забросишь,
Я его сохраню — только руку с мячом протяни. отдашь.

В детстве так удивительно чувствуют холод и жар.
 То знобит, то трясет, нас на все застегнули крючки.
 Жизнь — какой это взрослый, таинственный, чудный
 кошмар!
 Как на снимках круглы у детей и огромны зрачки!

Я хотел бы отцом тебе быть: отложной воротник,
 И по локти закатаны глаженные рукава,
 И сестрой, и тем мальчиком, лезущим в пляжный
 тростник,
 Плечи видно еще, и уже не видна голова.

И хотел бы сквозить я, как эта провисшая сеть,
 И сверкать, растекаясь, как эти лучи на воде,
 И хотел бы еще, умерев, я возможность иметь
 Обменяться с тобой впечатленьем о новой беде.

* * *

Когда я у полки, одну выбираю из книг,
 Мой ангел-хранитель, что делает он в этот миг?
 Тогда отдыхает, спокоен вполне за меня.
 Какое блаженство! Везенье ему среди дня!
 Он может отвлечься (растет между нами просвет),
 Присесть на диван (в нем нужды настоящей нет),
 Поблажка для крыльев, простор, передышка для чувств.
 Лишь краешком глаза отметит: Толстой или Пруст?

Когда я с тобою. . . о, если б на несколько строк
 Дымящихся точек сейчас я осмелиться мог,
 Когда я с тобою. . . молчанье. . . когда я томим
 Сердечной тоскою, — он ангелом занят твоим!

Как взрослые люди о детях, — о нас говорят:
Что было, что будет, и вниз, беспокоясь, глядят,
И рады друг другу, и знают о чем-то таком,
О чем говорят, отстраняя детей. шепотком.

НОЧЬ

Бог был так милостив, что дал нам эту ночь.
Внизу листва шумела,
Бежала, пенилась, текла, струилась прочь,
Вздымалась, дыбилась, остаться не хотела.

Как будто где-то есть счастливее места,
Теплее, может быть, роднее.
Но нас не выманишь, как тех чижей с куста,
Они затихли в нем, оставь их, — им виднее.

Бог был так милостив, что дал нам этот век.
Кому не думалось про свой, что он — последний?
Так думал римлянин, так раньше думал грек,
Хотя не в комнатах топтались, а в передней.

Мне видеть хочется весь долгий, страшный путь,
Неведенью предпочитаю знанье.
Бог был так милостив, что, прежде чем уснуть,
Я дрожь ловил твою и пил твое дыханье.

При сотворении он был один, в конце
Свое смущение он делит вместе с нами,
И ночью тени на лице
Волнами пенятся, колышутся цветами.

* * *

Как можно на лилию долго смотреть, любоваться
Ее белизной, если так непосильна борьба,
И тянет поток, и беспамятству влажного глянца
Так сладко предаться и прядку откинуть со лба?

И лечь на диван... Пусть шныряют жуки водяные,
И рябь наплывает, и тело, в сплошных пузырьках,
Лежит, погружаясь в слепые слон слюдяные,
Купается в солнце, в плывущих гурьбой облаках.

И все это несколько раз нам поведено было
В любимых стихах; на корягу наткнулась и в сеть
Попала рыбацью; так сильно при жизни знобило —
Теперь отпустило; как можно так долго смотреть?

Как можно на лилию долго смотреть? Ты лежала
Так тихо, как если бы что-то хотела забыть,
Вот-вот уплывешь, уплыла бы, когда б не держала
Последняя, тайная, тонкая, темная нить.

* * *

Среди ночных полей, покатыми холмами
Сползающих к лесам, мой друг, мы шли с тобой
По гулкому шоссе, и звезды шли за нами,
По трещинам и швам, и крался страх ночной.

Как поздно! Как тепло! Как был бы я встревожен,
Когда б я шел один... А так весь этот мир,
Как царство на земле, был под ноги положен
И горечью дышал... наркоз, туман, эфир.

Идти бы год и два, — не полчаса до дома.
Кто черточки нанес на тусклый циферблат?
Пахучая полынь да скользкая солома.
Мы как жена и муж, и как сестра и брат.

И как душа с душой, и с тенью тень... Все пути,
Веревки и узлы, стряхнув, кому отдать?
Как будто мы в раю, но в темном почему-то,
И в радости должны с опаскою ступать.

ЕМУ НУЖНЫ ВЕКА

* * *

На выбор смерть ему предложена была.
Он Цезаря благодарил за милость.
Могла кинжалом быть, петлею быть могла,
Пока он выбирал, топталась и томилась,
Ходила вслед за ним, бубнила невпопад:
Вскрой вены, утопись, с высокой кинься кручи.
Он шкафчик отворил: быть может, выпить яд?
Не худший способ, но, возможно, и не лучший.

У греков — жизнь любить, у римлян — умирать,
У римлян — умирать с достоинством учиться,
У греков — мир ценить, у римлян — воевать,
У греков — звук тянуть на флейте, на цевнице,
У греков — жизнь любить, у греков — торс лепить,

Объемно-теневою, как туча в небе зимнем.
Он отдал плащ рабу и свет велел гасить.
У греков — воск топить, и умирать — у римлян.

СОН

В палатке я лежал военной,
До слуха долетал троянской битвы шум,
Но моря милый гул и шорох белопенный
Весь день внушали мне: напрасно ты угрюм.

Поблизости росли лиловые цветочки,
Которым я не знал названья; меж камней
То ящериц узорные цепочки
Сверкали, то жучок мерцал, как скарабей.

И мать являлась мне, как облачко из моря,
Садилась близ меня, стараясь притушить
Прохладою рукой тоску во мне и горе.
Жемчужная на ней дымилась нить.

Напрасен звон мечей: я больше не воюю.
Меня не убедить ни другу, ни льстецу:
Я в сторону смотрю другую,
И пасмурная тень гуляет по лицу.

Триеры грубый киль в песок прибрежный вдавлен —
Я б с радостью отплыл на этом корабле!
Еще подумал я, что счастлив, что оставлен,
Что жить так больно на земле.

Не помню, как заснул и сколько спал — мгновенье
Иль век? — когда сорвал с постели телефон,
А в трубке треск, и скрип, и шорох, и шипенье,
И чей-то крик: «Патрокл сражен!»

Когда сражен? Зачем? Нет жизни без Патрокла!
Прости, сейчас проснусь. Еще раз повтори.
И накренился мир, и вдруг щека намокла,
И что-то рухнуло внутри.

* * *

Я знаю, почему в Афинах или Риме
Поддержки ищет стих и жалуется им.
Ему нужны века, он далями сквозными
Стремится пробежать и словно стать другим,
Трагичнее еще, таинственней, огромней.
И эхо на него работает в поту.
Он любит делать вид, что все каменоломни
В Коринфе обошел, все дворики в порту.

Он в наш вбегаet день — идет снежок мучнистый,
Автобус синий дым волочит, как крыло,
И, к снегу подмешав как будто прах кремнистый,
Стих смотрит на людей и дышит тяжело.
Сейчас он запоет, заплачет, зарыдает,
Застонет, завопит... но он заводит речь
Простую, как любой, кто слишком много знает,
Устал — и все равно не сбросит тяжесть с плеч.

* * *

Как пуговичка, маленький обол.
Так вот какую мелкую монету
Взимал паромщик! Знать, не так тяжел
Был труд его, но горек, спора нету.

Как сточены неровные края!
Так камешки обтачивает море.
На выставке все всматривался я
В приплюснутое, бронзовое горе.

Все умерли. Всех смерть смела с земли.
Лишь Федра горько плачет на помосте.
Где греческие деньги? Все ушли
В карман гребцу. Остались две-три горсти.

* * *

Когда шумит листва, тогда мне горя мало.
Отпряну, посмотрю на зрелый возраст свой:
Мне лишь бы смысл в стихах листва
приподнимала,
Братался листьев шум со строчкой стиховой.

О, как я далеко зашел, как затуманен!
К вечерней ближе я, чем к утренней заре.
Теперь какой-нибудь Филипп Аравитянин
Мне ближе, может быть, чем мальчик во дворе.

Ветрами ли, песком, враждой ли исцарапан,
Изъевшей ли висок частичкой бытия,
Глядит поверх голов солдатский император,
И складочка у губ от горького питья.

Но так листва шумит, что, чем бы ни томила
Жизнь, весело сидеть за письменным столом.
На зло найдется зло, да и на силу сила,
И я — про шум листвы, а вовсе не о том.

* * *

Какой, Октавия, сегодня ветер сильный!
Судьбу несчастную и злую смерть твою
Мне куст истерзанный напоминает пыльный,
Хоть я и делаю вид, что не узнаю.

Как будто Тацита читала эта крона
И вот заламывает ветви в вышине
Так, словно статую живой жены Нерона
Свалить приказано и утопить в волне.

Как тучи грузные лежат на косогоре
Ничком, какой у них сиреневый испод!
Уж не Тирренское ли им приснилось море
И остров, стынувший среди пустынных вод?

Какой, Октавия, сегодня блеск несносный,
Стальной, пронзительный — и взгляд не отвести.
Мне есть, Октавия, о ком жалеть (и поздно,
И дело давнее), кроме тебя, прости.

ПО ЭТУ СТОРОНУ

ВЕСНА

Ум платит глупости за то, что та глупа,
Ум платит глупости, и злу — добро, не сетуй.
А эта тонкая по вечности резьба,
Узор таинственный, сквозь эту тьму прорезаный...

Когда я выбежал, уже и след простыл
Той тихой музыки, той жалобы прохожей.
Кто нам сопутствует? Кто нам любовь внушил
К весне томительной и влаге тонкокожей?

Овца в беспамятстве, когда ее стригут,
Лежит; наверное, твоя душа не проще.
Не удивляйся же, что больно ей, что жмут
Ей эти комнаты, и холода, и рощи.

* * *

Орнитолог, рискующий ласточку окольцевать,
Он, должно быть, не знает, какая морока
Ей над морем лететь, повинуюсь опять
Его вере слепой в каменистый Тунис и Марокко.

Хорошо ему ждать, оставаясь на месте одном.
До чего он уверен в наличии знойного края!
То ли вычитал где-то о нем,
То ли трогал во сне шерсть верблюда и глину сарая.

Хорошо ему жить, да, увы, умирать тяжело.
Он представить боится разлуку.
Ему щель не видна, — в нее можно просунуть крыло.
Если можно просунуть крыло, значит, можно и руку.

Вот о чем ему ласточка хочет сказать, ее крик
Так прерывист, как будто нарезан, но эти отрезки
Звука он принимать не привык
Близко к сердцу, как довод какой-нибудь веский.

Есть другие края, где и берег, и воздух широк.
Жаль любителя птиц, он расстался бы с жизнью и
ДОМОМ
Легче, если бы знал, что во мгле неземной
Расщепленную тень обнаружит с колечком знакомым.

* * *

Как уголь чистит белых лошадей,
Как чад печной песком стирают с днища...
Но потопчись, ненастье, у дверей...

Душа не хочет выгоды своей,
Как ей скажу: там сделаешься чище?!

Она, при виде горя и обид,
Все, озираясь, бедная, твердит,
Что радость тоже сажу оттирает,
Что поцелуй, что живопись, что вид
На даль морскую... плачет, умоляет.

* * *

Полнеба заволок подробный материк
Вечерних дымных туч, и ветром прибывает
Отсталые дымки, как сны, к нему; старик
Сказал мне, что во сне он старым не бывает.

Волнение кустов, и смутный лет стрижа,
И рваные края в дороге истрепало,
И так синее даль, как если бы душа
В сохранности вне нас счастливой пребывала.

И мертвые, сказал, являются ему
Живыми... Хороша изрезанная кромка.
Так блещет полоса прибрежная в Крыму.
Не спит ли в нас кора, не дремлет ли подкорка?

И домики к земле под тенью грозовой
Прибиты, как листва; я снов своих не помню.
Должно быть, жизнь моя полна еще тщетой
И счастьем, а на снах покуда экономлю.

* * *

Пойдем! Поедем! — говорят
Те, кто в беспамятстве лежат,
Томятся в этой проволочке.
О, как им, бедным, тяжело здесь!
Как будто смысл метаний весь —
Скорее сняться с мертвой точки.

Кто умирающему был
Сиделкой, — смерти пригубил
И знает, как с постели рвутся,
Пойдем! Поедем! — говорят,
Поверх любви твоей глядят
И отпавленья не дождутся.

* * *

По эту сторону таинственной черты
Синеет облако, топорщатся кусты,
По эту сторону мне лезет в глаз ресница,
И стол с приметамы любимого труда
По эту сторону, по эту... а туда,
Туда и пуговице не перекачаться.

Свернет, покружится, решится замереть.
Любил я что-нибудь всю жизнь в руке вертеть,
Пора разучиваться. Перевоспитанье
Тьмой непроглядною, разлукой, немотой.
Как эта пуговичка, я перед чертой
Кружусь невидимой, томленьем, содроганьем.

* * *

Не из всякого снега слепить удастся снежок,
Иногда он, как порох, в руке рассыпается сразу.
Я люблю эти иглы, веселый морозный ожог.
И слова не всегда в безупречную строятся фразу.

И не всякие строки спешат обернуться стихом.
У нелепицы есть оправдания свои и мотивы.
Например, в этом воздухе, может быть слишком сухом,
Нет сцепленья для мыслей: отдельные они и пугливы.

Все равно хорошо среди рассыпчатой белой зимы,
Расторопно, свежо! Недоволен лишь мальчик дворовый.
Завтра слепит снежок, а сегодня попробуем мы
Ни о чем не тужить и зимой насладиться суровой.

И звезда о звезду обломает скорее лучи,
Чем, утратив отдельность, с ней в кашницу слиться
захочет,
Так страхни ж этот снег и, перчатку надев, помолчи.
Не всегда говорит, иногда и разумный — бормочет.

* * *

И ужасы ждут на дороге,
Какие — не сказано нам,
Но сердце забьется в тревоге,
И вновь перечтешь по слогам
О том, что нам выйдет навстречу
Цветенье миндальных ветвей
И отяжелеет кузнечик.
Кузнечик, не отяжелей!

И каперс рассыплется. Боже,
Зачем рассыпаться ему?
Я знаю: на каперс похожи
Цветочки в восточном Крыму,
Белесы они, розоваты.
А текст, забегая вперед,
Невнятицы полон косматой
И плакальщиц в сени зовет.

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Никто не знает флага той страны.
В морском порту, где столько полосатых
И звездчатых, где синие видны,
И желтые, и в огненных заплатах,
Его лишь нет. Он бел, как облака.
Как майская земля, такой он черный.
Никто не знает флага, языка,
Ландшафт ее равнинный или горный?

Никто не знает флага той страны,
Что глиняного старше Междуречья.
Быть может, все мы там обречены
На хаттское и хеттское наречье.
Никто не знает флага, языка,
Он запылен, как кровельщика фартук.
Пока мы здесь, пока твоя рука
Лежит в моей, что Иштар нам, что Мардук?

Никто не знает флага той страны.
Оттуда корабли не приплывали.
Быть может, в языке сохранены
Праиндоевропейские детали.

Что там, холмы, могучая река?
Кого там ценят, Будду или Плавта?
Никто не знает флага, языка.
Ни языка. ни флага, ни ландшафта.

* * *

Прости, волшебный Вавилон
С огромной башней, как рулон
Небрежно свернутой бумаги.
Ты наш замшелый, ветхий сон.
Твои лебедки помню, флаги.

Мне стоит в трубочку свернуть
Тетрадь, газету, что-нибудь,
Как возникает искушение
Твою громаду помянуть
И языков твоих смешенье.

Гляжу в окно на белый снег.
Под веком — век, над веком — век.
Где мы? В конце ль? У середины?
Как горд, как жалок человек!
Увы, из крови он, из глины.

Он потный, жаркий он, живой.
И через ярус круглый свой
Ему никак не перепрыгнуть.
Он льнет к подушке головой,
Он хочет жить, а надо гибнуть.

* * *

Как буйно жизнь кипит на стенках саркофага!
Здесь и весна, и страсть, и гордый Ипполит
С собакой и конем, не сдерживая шага,
От мачехи письмо отвергнуть норовит.

Стояли долго мы пред мраморным рассказом.
Смерть жизнью с четырех сторон окружена
И льнет к морским волнам, ступеням и террасам,
К охоте и любви, за камнем не видна.

Там кто-то горько спит, — живые только сладко
Спят, — мерно обойдя его со всех сторон,
Мы видим: жизнь и смерть — единая двойчатка,
На смертном камне мир живой запечатлен.

Конюших провести беспечною гурьбою,
Кормилицу пригнуть, морской раскинуть вал...
Жизнь украшает смерть искусною резьбою,
Без смерти кто бы ей сюжеты обновлял?

КАК ВСЕ ИЗМЕНЧИВО!

* * *

То, на что не надеешься, предпочитает сбываться.
Что-то детское есть в этих играх судьбы, что-то бабье,
Суеверия женские... Скажешь: чего нам бояться?
Это так далеко от нас, как Гурилев и Алябьев.

Но какая-то музыка под вечер с черного входа
Поднимается в дом, по ладони гадает и плачет:
Не загадывай, эй, не рассчитывай — ни на полгода,
Ни на сутки вперед — или случай все переиначит.

Так темна, словно очередь за порошком или брюквой.
Шелестящая юбкой, бубнящая что-то нелепо
Не большая судьба, а домашняя, с маленькой буквы,
Тем не менее с ней как-то связано звездное небо.

Что-то, видимо, есть, не на той высоте безупречной,
Где гостит наша мысль, а поближе к поверхности, что ли;
Плутоватый смешок, интерес вороватый сердечный,
Вызывающий вдруг паралич нашей мысли и воли.

БАНКЕТ

Банкет — это что-то для Гоголя, что-то
Для взора его ястребиного, это
Салфетки в помаде, и пепел в салате,
И гомон несвязный, и стол пэ-образный,
Как будто упавшие навзничь ворота;
Банкет — это что-то для Гоголя, это
Гуськом на столе нестандартные яства,
И розданы роли, и гладью паркета
Повержен новейший Ноздрев и распластан,
С подшефного он, извините, завода
И только что за ноги дам не хватает;
Банкет — это символ большого расхода,
Когда человек коллектив уважает.

А сам именинник, вернее, виновник
Сего торжества, защитивший успешно, —
Все хвалят проект его, то есть коровник,
Поэму, в металле и камне, конечно.
Наклон есть такой у тяжелого тела,
Так за спину руку кладут, словно прячут
В ней розу, о боже, а мне что за дело,
Что прочат на должность его и назначат?
А все-таки взгляд не решается мимо
Скользнуть, но старается встретиться взглядом
С начальством, — о пошлость, ты неистребима,
Во-первых, ты в нас, во-вторых, с нами рядом.

И все-таки к тем, кто хотел бы сатиру
Прочсть между строк, я навстречу не выйду.
Смешны и нелепы претензии к миру,
Такому смешному и жалкому с виду,
Но втайне хранящему правду и совесть,
Мы все по отдельности лучше, чем вместе;
Банкет — это две-три страницы, а повесть
Не вся — в этой фразе, не вся — в этом жесте;
Бичу Ювенала сочувствую мало;
О, знал бы сатирик, как будут в постели
Ворочаться те, кто всех больше шумели;
А то, что мы вдруг попадаем в типажи
И в жестах своих узнаем типовые, —
На то и банкет, и нельзя же, нельзя же
Всем нитям в клубке предпочсть золотые.

* * *

Словно войлоком снизу подбитый, колючий, зубчатый,
Остролистый, ребристый, ворсистый мордовник резной,
И шерстистый татарник, и рыхлый, как будто помятый
Угловатый осот — кто кусал их, кто резал пилой?

Словно жеваный, нет, словно порванный или избитый,
Несмотря на колючки, изглоданный кем-то бодяк,
О, какие невзгоды, уколы, удары, обиды
Изувечили их, изъязвили, изрезали так?

Почему для одних — только кисточки, бархатка, вата,
Почему эту лилию нежат проточной водой?
Ах, свербига, наверное, в чем-то и впрямь виновата,
Что подпилком прошлись и удар нанесли ножевой.

И когда человек, уязвленный тоской, вдоль канавок,
По задворкам бредет, по шершавым, колючим, сухим,
Что б ему постоять, — пригодился бы, может быть,
Постоять, помолчать, приглядеться внимательней к ним!

навык,

* * *

Вы, облако и сад,
Я только что из ада,
Истерзан и разъят.
Мне так нужна прохлада,
Так бегаёт мой взгляд.

Споткнусь, чуть не упав.
Как страшно человеком
Быть! В саже мой рукав.
Смущен своим я бегом
Средь рытвин и канав.

Вам жаловался Лир,
Вы Гамлету внимали.
Неужто есть ранжир?
Те — из дворцов сбегали
В слезах, мы — из квартир.

Разбитых вдрызг корыт
Не счесть, сердечных капель.
Двор вечно перерыт:
То теплосеть, то кабель.
Трясет меня, знобит.

И что всего больней —
Прекрасен мир огромный.

Смертельный стыд. Скорей
В тени укрыться темной
Кипящих тополей.

Облизан языком
Огня, дождем обрызган,
О, в горестном каком
Я занят жанре низким
И с ужасом знаком!

* * *

И если спишь на чистой простыне,
И если свеж и тверд пододеяльник,
И если спишь, и если в тишине
И в темноте, и сам себе начальник,
И если ночь, как сказано, нежна,
И если спишь, и если дверь входную
Закрыл на ключ, и если не слышна
Чужая речь, и музыка ночную
Не соблазняет счастьем тишину,
И не срывают с криком одеяло,
И если спишь, и если к полотну
Припав щекой, с подтеками крахмала,
С крахмальной складкой, вдавленной в

висок, —

Под утюгом так высохла, на солнце? —
И если пальцев белый табунок
На простыне доверчиво пасется,
И не трясут за теплое плечо,
Не подступают с окриком и лаем,
И если спишь, чего тебе еще?
Чего еще? Мы большего не знаем.

* * *

И дару своему взрослеющий художник
Не радуется: дар, как долг, его томит.
И втопан в глинозем широкий подорожник,
Как символ чьих-то бед безмерных и обид.

Быть может, зло с добром в таком соотношенье,
Что мы, себе с утра вымаливая день
Счастливым, всем другим готовим невезенье,
Нам — солнце, всем другим — одну сплошную тень.

Быть может, как расход сверяется с доходом,
Подводится баланс неведомый в ночи.
Быть может, под ночным промозглым небосводом
Сосчитан весь запас, все листья, все лучи.

О, справочник щедрот, ночная картотека!
Что в детстве потрясло и в памяти живет?
Что репинский, как моль придавленный, калека
Спешит на костыле, вцепившись в крестный ход.

* * *

Нет, не вы всех счастливей, а этот, в вагонном окне
На пустынной платформе сидящий, от всех в стороне,
К станционной решетке прижавшись ребристой,
Моторист или сцепщик, и куст у него за спиной,
сквозной,

Все куда-то спешат, он один никуда не спешит,
Белым войлоком куст, облюбленный ветром, подшит,
Нет, не вы всех счастливей, просторно, пустынно, свежо,
Все мы едем куда-то, ему же и здесь хорошо.

Неподвижен; а куст, все зеленое внутрь подобрав,
Ослепительно бел, утомительно буен, кудряв.
Ах, и встал бы — упал, потому что, куда ни взгляни,
Шага сделать нельзя по такой торопливой тени.

Сколько раз я видал, как кусты обгоняли людей,
Те бежали на поезд, а куст из последних дверей,
Из захлопнутых, им отразившейся ветвью махал.
Нет, не вы всех счастливей; мелькнул — и за далью
пропал.

* * *

Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались частности, детали.
Уже сметают со стола
И чашки с блюдами убрали.
Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались странности, повторы.
Рука на сгибе затекла.
Узоры эти, разговоры...

На холод выйти из тепла,
Найти дрожащие перила.
Мне кажется, что жизнь прошла.
Но это чувство тоже было.
Уже, заметив, что молчу,
Сметали крошки тряпкой влажной.
Постой... еще сказать хочу...
Не помню, что хочу... неважно.

Мне кажется, что жизнь прошла.
Уже казалось так когда-то,

Но дверь раскрылась — то была
К знакомым гостя, — стало взгляда
Не отвести и не поднять;
Беседа дрогнула, запнулась,
Потом настроилась опять,
Уже при ней, — и жизнь вернулась.

* * *

Жизнь кончилась, а смерть еще не знает
Об этом. Паузу на что употребим?
На строки горькие, в которых западает
Смысл, словно клавиши, — не уследить за ним.

Шумите, круглые, узорные, резные,
Продолговатые, в прожилках и тенях!
Уже отчетливо видны края иные,
Как берег в трещинах, провалах и камнях,

Изрытый бурями, и видишь: не приткнуться.
Мне жизнь привиделась страшней, чем страшный
сон,

Я охнул, дернулся — и некуда проснуться:
Все та же комната, все тот же телефон.

И все же в радости ее назвать прекрасной
Неосмотрительно, и губельной — в беде.
Как все изменчиво! И тополь, то ненастный,
То ослепительный, клубится в высоте.

Что шума деревьев просторней и шире?
Лишь моря накат вдоль дорожных обочин.
Наверное, не уменьшается в мире
Количество зла — и процент его точен

И вечен, иначе бы лопнуло что-то,
Нарушился принцип и ось надломилась,
Но кроны — вне сметы, и волны — без счета,
И в этом — великая радость и милость!

Иль думаешь, гений, которого в прошлом
Природа, любясь собой, поместила,
Провел свою жизнь меж постыдным и пошлым,
А ты опоздал — и тебе пофартило?

Ни зло не минует, ни счастье не минет,
Умрем — равновесие это продлится,
О, только бы вниз по долине, по глине,
По щебню — к шумящему морю спуститься!

БЕССОННОЕ, ШУМИ!

* * *

«...под говором валов...»

К. Батюшков

Кто первый море к нам в поэзию привел
И строки увлажнил туманом и волнами?
Я вижу, как его внимательно прочел
Курчавый ученик с блестящими глазами
И перенял любовь к шершавым берегам
Полуденной земли и мокрой парусине,
И мраморным богам,
И пламенным лучам, — на темной половине.

На темной, ледяной, с соломой на снегу,
С визжащими во тьме сосновыми санями...
А снился хоровод на ласковом лугу,
Усыпанном цветами,

И берег, где шуршит одышливый Эол,
Где пасмурные тени
Склоняются к волне, рукой прижав подол,
Другую — шелестя в курчавящейся пене.

И в ритмике совпав, поскольку моря шум
Подсказывает строй, и паузы, и пенье,
Кто более угрюм? —
Теперь не различить, — вдохнули упоенье,
И негу, и весну, и горький аромат,
И младший возмужал, а старший — задохнулся,
Как будто выпил яд
Из борджиевых рук — и к жизни не вернулся.

Но с нами — дивный звук, таинственный мотив.
Столетие спустя очнулась флейта эта!
Ведь тот, кто хвалит жизнь, всегда красноречив,
Бездомная хвала, трагическая мета.
Бессонное, шуми! Подкрадывайся, бей
В беспмятный висок горячею волною,
Приманивай, синей,
Как призрак дорогой под снежной пеленою.

ФЛЕЙТИСТ

Откуда родом бронзовый флейтист?
Мне флейты родниковый снится голос.
Не с Крита ли, который так дуплист
И вытянут? Эвбея, Скирос, Родос...

Он голову чуть набок наклонил.
Он видит, что и звезды звуку рады.

Он думает: кто в море накрошил,
Как в миску с супом, черствые Споряды?

Других вопросов он не задает.
Кто флейту изобрел, ему известно.
Упала к нам с озвученных высот —
Теперь на ней играют повсеместно.

Кинь что-нибудь — мы подберем с земли
И к надобностям смертным приспособим.
Он ерзает, и руки затекли,
И холодно, и смотрит исподлобья.

Но, выщербленный, он не видит нас
За скважистыми, как скала, веками.
А палец в круглой дырочке увяз,
И жизнь согрета теплыми губами.

* * *

Машина вдоль пляжа бежит у волны на виду
Так быстро, так мягко, как будто в ней нет никого.
Орехи растут у счастливецa при доме в саду,
И дерево трудится лет пятьдесят на него.

Вот видишь, как можно с прохладцей и празднично жить,
И щелкать орешки, — вкуснее, чем грызть карандаш,
Склоняться к столу и печали свои ворошить.
Закрою глаза и увижу машину и пляж.

Закрою глаза и увижу: машина бежит
Вдоль пляжа, и волны, в кабину стремясь заглянуть,

Встают на носочки, — и я бы не помнил обид,
Когда б за орешком мог руку к ветвям протянуть.

Мой друг полагает, что зависть в основе основ,
Что движутся ею поступки, порывы, миры,
Что кроны завидуют исключенной пене валов,
А волны — дубам, накрывающим тенью дворы.

Но с чадолюбивым, обросшим шершавой корой,
Раскидистым деревом надо родиться... Как дар,
Дается не каждому гений с поникшей листвою,
Сладчайшие ядрышки прячущий в жесткий футляр.

* * *

Когда впервые мы с тобой
Спустились к морю по тропе
И волны темною толпой
Шли, загребая при ходьбе
Медуз и камешки, с тоской
Прижалась ты ко мне, подбой
Их черный страшен был тебе.

У этих пасмурных зыбей,
У черных ярусов и лож,
Ты мне сказала, что своей
Никак ты жизнь не назовешь,
Что никогда привыкнуть к ней
Ты не могла, что эта дрожь
Тебе знакома с первых дней, —
Пространство, вспененное сплошь.

Потом мы жили день за днем
Вблизи сверкающих валов;
То вдруг, затихнув перед сном,
Являлось, шелковый покров
Накинув, с ласковым челом
Как бы учить тебя с азов,
И многих стоило трудов,
Обняв тебя, нам с ним вдвоём
Разубедить в конце концов.

* * *

Эти камешки, кажется, ждут своего Демосфена.
Их никто не считал, их на маленьком пляже так много.
К ним крадется волна, накрывает их пышная пена,
Как слюна на устах у оратора и демагога.

В уголках его губ пузырьки надувает усердые
И гражданская страсть... Эти камешки с шорохом
влагным,
Кроме артикуляции, учат тому, что бессмертье
Есть привычка к ветрам, и векам, и раскатам протяжным

Гроз морских... Подберу, высоко на ладони подкину...
Что сравнится с жарой, размягченной морским
дуновеньем?
Если знаешь за жизнью вину, то вины половину
Смыть позволишь волне, что подходит к ногам
с шелестеньем.

Не о том говорят, прибегая к бнушительным жестам,
Убеждают, клянут, прежде камешки выплюнув наземь...
Лишь поэзия, временем огорчены или местом,
Под шумок уверяет, что мир этот втайне прекрасен!

* * *

Заветные стихи про южный берег, ночью
Обласканный луной, и деву между скал.
Все сводится к словам... нет, лучше, к многоточью.
Волна, ее уста, и перси... и провал
В сплошную немоту... пять строк горящих точек,
Пылающих... И впрямь такие бухты есть:
Рисунок плавен их, нежнейший ровен очерк,
У ног кипит волна, стремясь на камень влезть.

Прочти мне их! — просил... И с влажною запинкой
Читала... двух-трех слов припомнить не могла...
Спустились мы на пляж колючею тропинкой,
Медузу нам волна, смирясь, приволокла.
Не знаю, кто смуглей: ночь южная с дорожкой
Блестящей на воде иль ты, халатик с плеч
Стянув, чтоб соскользнуть в густую тьму рыбешкой,
Поплывать и опять ко мне на грудь прилечь.

* * *

Мы спорили, вал белопенный был нашему спору под
Что нищие духом блаженны и как эту фразу понять? ^{стать,}

И я говорил, что как дети в неведеньи сердцем чисты,
Как солнцем нагретые сети и дикие эти кусты,

Лазурная в море полоска и донная рыжая прядь,
Что я бы хотел у киоска с похмелья за пивом стоять.

А ты говорила, что мрачный, стоящий за пивом с утра,
Как лист изможденный табачный, как жесткая эта кора,

Как эти кусты у обрыва с обломанной ветвью сухой —
То встречного ветра пожива, то вздыбленной гривы
морской,

Что жить еще горше на свете, когда не осмыслить
утрат,
А дети... ты вспомни, как дети на взрослые царства
глядят!

* * *

На паутину похоже с такой высоты
Море, суденышки в нем, словно черные мухи,
Вязнут, запутавшись... Смотрим на них сквозь кусты.
Ветер, как жук, завывает, ворочаясь в ухе.

Море с такой высоты... На такой высоте
Жить бы, и письма писать, и качаться в качалке,
Как на балконе, как в утлом вороньем гнезде,
В ласточкином, глинобитном, прилепленном к балке.

Море с такой высоты... Я хотел бы обнять
Всех, голова моя кружится, на опьяненье
Это похоже... и облачным клочьям под стать
Пена белсет, как сброшенное оперенье.

Что там, побоище? Может быть, линька в раю?
Странно, что соль к этим взбитым подмешана сливкам.
Все, что кричу, ветром сорвано, все, что пою, —
Ласточке трудно судить в небесах по обрывкам.

В НОВОМ РАКУРСЕ

ПЧЕЛА

Пятясь, пчела выбирается вон из цветка.
Ошеломленная, прочь из горячих объятий.
О, до чего ж эта жизнь хороша и сладка,
Шелка нежней, бархатистого склона покатаей!

Господи, ты раскалил эту жаркую печь
Или сама она так распалилась — неважно,
Что же ты дал нам такую разумную речь,
Или сама рассудительна так и протяжна?

Кажется, память на время отшибло пчеле.
Ориентацию в знойном забыла пространстве.
На лепестке она, как на горячей золе,
Лапками перебирает и топчется в трансе.

Я засмотрелся — и в этом ошибка моя.
Чуть вперевалку, к цветку прижимаясь всем телом,
В желтую гущу вползать, раздвигая края
Радости жгучей, каленьем подернутой белым.

Алая ткань, ни раскаянья здесь, ни стыда.
Сколько ни вытянуть — ни от кого не убудет.
О, неужели однажды придут холода,
Пламя погасят и зной этот чудный остудят?

* * *

Весь день ботаникою занята пчела,
А зоологию еще не открывала,
Из класса пятого она не перешла
В шестой, в шиповнике, в его цветах застряла.

Тропинка узкая; колюч он и горяч,
Куст подозрительный, не избежать царапин.
Что, второгодница? Попробуй ум напрячь,
Запомнить что-нибудь в узоре и накрапе.

Такие яркие бывают дни в году,
Такие знойные, что, веки закрывая,
Стоишь и чувствуешь, как кровь бубнит в бреду
Про желчь пустырника, про лимфу молочая.

И что-то давнее wpłyает в ум тогда;
Ногой примята, крапива пахнет грубо.
Откуда синтаксис заимствован? Ах, да:
«Про ум Молчалина, про душу Скалозуба».

Мне лето весело хватать горячим ртом,
Бродил бы, кажется, вдоль берега день целый.
Сначала белая, царапина потом
Проступит явственно на кисти загорелой.

Я боль недолгую в свидетели зову
Блаженства райского, что это все не снится.
Солоноватая! Я все еще живу,
И страшно вымолвить: пора остановиться.

* * *

Песчинки, камешки, клочки сухой резины,
Дошечки, щепочки, разбитого стекла
Осколки, жесткий след изрывшей землю шины,
Лягушек высохших распятые тела,
Напоминающие лопнувший воздушный
Шар, ямы, выбоины, трещины, бугры,
Порханье бабочки у самых спиц тщедушной,
Подъем на горку, спуск, такой крутой, с горы,
Не надо, бабочка, мне затруднять движенье,
Собьюсь, зачем тебе рассеянность моя?
Сучки, соломинки, корней переплетенье,
Густая лужица, сухая колея,
Когда вчера она мне предложила чаю,
Остаться надо было, веточка, лишай,
Железка, что же я всегда себе мешаю,
Потом жалею, жук, известка, иван-чай,
Малины давленной сиреневые пятна,
Оурук, гусеница в шубке меховой,
Поганка, выброшенный кем-то безоглядно
Башмак — и нехотя посмотришь: где другой?

Травинки, — все это для велосипедиста
Средь рощ подветренных и шерстяных полям
Неописуемо, неизъяснимо чисто,
Полуосознанный, полуразмытый план.

* * *

Партитура, с неровной ее бахромой,
На манер балдахина с кистями.
Черный ветер колышет ее предо мной,
Страсть чужая вздымает волнами.

Я как будто в морской заблудился траве,
Не прорваться сквозь заросли эти.
Кто-то музыку держит, как мысль, в голове,
Переметы в ней ставит и сети.

Мне мерещатся сумерки венских аллей,
Я дворцовую вижу ограду.
Бог втыкает в страну гениальных детей,
Как в садовую грядку — рассаду.

О, как много наклеено черных ресниц!
Словно смотрит с широкой страницы
Целый класс или курс продувных выпускниц:
Банты, ленты, ужимки, косицы.

Словно где-то стоит музыкальный плетень,
Струнный звук в нем пропущен сквозь трубный,
А сюда, на страницу, отброшена тень
Этой музыки, мне недоступной.

Как поклеванный птицами сад, как тряпье
Или куст облетевшей сирени.
Появись кто-нибудь, расколдуй мне ее,
Оживи эти черные тени!

* * *

А воз и ныне там, где он был найден нами.
Что делать? Вылеплен так грубо человек.
Он не меняется с веками,
Хотя и нет уже возов тех и телег.

Известно каждому, что входит в ту поклажу:
Любоначалие, жестокость, зависть, лесть, —
Я горло выстужу и руки перемажу, —
И доблесть ветхая, и честь.

Застрял. . . Вселенная не слышит наших криков,
Что ей, дымящейся, наш скарб, добро и зло,
И пыл ребяческий периклов?
Ее, несметную, размыло, развезло.

Колеса грубые по оси в землю врыты.
Под них подкладывали лапник и тома
Священных кодексов, но так же нет защиты,
И колет тот же луч, и дышит та же тьма.

Иначе разве бы мы древних понимали?
Как я люблю свои единственные дни!
И вы не сдвинули, и мы не совладали
Средь споров, окриков, вражды и толкотни.

* * *

Сегодня грустно мне: вчера я счастлив был.
Вчерашним счастьем жить лишь в молодости можно.
Ах, в молодости всё: березовый настил,
Пружиня под ногой, и тот готов тревожно
И радостно внимать молчанью твоему,
И берег торфяной, и чахлая осина
Завидуют тебе, — и, мнится, есть кому
Подробности любви выпытывать невинно.

Но в зрелые года с кустом не говоришь,
А если говоришь, то темой разговора
Становишься не ты, а веточка, какмышь
Промокшая, да вязь древесного узора.
А счастью отведен свой ящичек, графа,
На все вокруг оно разлитым быть не хочет,
И слышишь, как шумит болотная трава,
Что снизу тянет топь, а сверху дождик мочит.

ВЫРИЦА

Осенью вода в реке такая
Яркая, что страшно за нее,
Синяя, железная, густая.
Водоросли с края
Треплются, как на ветру тряпье.

Облетели листья, и поселок
Ниже стал, припал к земле, осел.

Все насквозь видать: зеленых шторок
Больше нет, лишь слок
Зелен ряд, а там опять — пробел.

Плохо дяде Васе со стройбазы —
Никуда не скрыться от жены:
Все его финты и выкрутасы,
Всплески, переплясы,
Все восьмерки издали видны.

Схвачены шнурком малины плети,
Чтоб не поломалась в зимнем сне.
Вырица — не лучшее на свете
Место, бог свидетель,
Так, третьеразрядное вполне.

Уезжали — кресло позабыли
В дом втащить; сезонное житье —
Самое рассеянное: мы ли
Здесь так шумно жили?
Жизнь ушла — остались от нее

Жалкие следы; недолговечен
Рай земной и осенью продут.
Да и был ли так уж он беспечен,
Кротостью отмечен?
Станешь жить, а беды тут как тут.

Иногда приснится сон, похожий
На другой, что снился год назад.
Словно где-то держат их и множат,
Копией расхожей
Возвращают, прокрутив, на склад.

Сам себе построил жизнь такую, —
Не пеняй; привязана она
К общей жизни, — с нею я рискую,
И на воду дую,
И вхожу в крутые времена.

На ветру поникший бьется кустик,
Дрожь бежит по вянущей траве.
Мне не грустно.
Если блещет зыбь на главном русле,
То должна быть рябь и в рукаве.

Есть поэты с фотообъективом,
Их самих снимающим в упор:
Отбегут, замрут перед штативом
С видом сиротливым,
Обгнав щелчок, потупив взор.

Лишь стихи подробной лучше прозы!
Если вдруг удастся посреди
Рваных строф — ответить на вопросы,
Не вставая в позы,
Не стремясь быть в фокусе, прости.

Ни один бинокль на нас не вскинут.
Я себе представить не могу
Жизни, из которой сумрак вынут.
Руки стынут.
Хорошо на утлом берегу.

Иногда влечет пустынный берег.
Как известно, весь его наклон
Клонит к думам. Так сидят в партере,
Вне забот сценических, истерик.
Надоело — вышли вон.

Все на стайку бы рыбок смотрел,
На прозрачные, скользкие тени.
Кто построить сумел
Золотые, проточные сени
Для их маленьких, пасмурных тел?

Это — рай на песке,
Переливчатый, донный, волнистый.
Пил однажды в подвале, в низке
Я шипучий напиток игристый,
Блик лежал у меня на виске.

Все за рябью бы желтой следил,
Все за синей бы следовал гладью,
Навалясь на дощатый настил
С травянистою мыльною прядью.
Все забыл бы, простил.

И рука, преломясь под углом
В замутненном песочком составе,
Словно вывихнута в локтевом
Посиневшем суставе:
Пальцы толщу разводят с трудом.

Пауков водомерная прыть.
Кем задумана точность такая?
Можно веки прикрыть,
Ледяное вино попивая.
Все равно не забыть, не простить.

Друг за другом, подобием стрел
Или мелких масштабных делений,

Торопясь за предел
Струй подспудных, подводных течений.
Все на стайку бы рыбок смотрел.

* * *

Как бабочка, как бабочка ни разу
О гусенице вспомнить не рискнет,
А вспомнила бы — горькую гримасу
Скроила бы, причудливый полет
Над полем совершая и болотом, —
Так ты, душа, от тленья улетев,
Вернуться не захочешь ни к заботам,
Ни к радостям, ни в Псков, ни в Новоржев.

Как бабочка, как бабочка. . . Возможно,
Наверное, пожалуй, может быть.
И, крыльями узорными роскошно
Мигая, навсегда утратить нить
Связующую. . . нравится — налево,
Не нравится — направо, по верхам.
А все-таки без Пскова, Новоржева,
Без Порхова, хоть я и не был там. . .

* * *

Хлебом меня не корми, но позволь заглянуть
В стеклышко, линзу, подзорную даль, что-нибудь.
В геодезический теодолит, например,
Помню, однажды мне дал посмотреть инженер.

Что за улада — в бинокль заманить полевой
Дальнюю мачту, какой-нибудь шпиль ледяной
И, отнимая бинокль от обласканных глаз,
К жизни вернуться, с утра окружающей нас!

Ах, и от прозы, которая нравилась мне,
Тот же эффект возникал, словно наедине
С дивным прибором оптическим дали побыть:
Новое зренье — и можно ль по-прежнему жить?

Пристальный мир! Прислонись же к нему, улыбнись.
Может быть, смерть — это смена оптических линз?
В ракурсе новом увидишь знакомый предмет,
Что за таинственный, сладостный, горестный свет!

ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

* * *

Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом
Волоокой сирени, что большего счастья не надо:
Куст высок, и на столик ложится пятно за пятном.
Ах, какая пятнистая, в мелких заплатах, прохлада!

Круглый мраморный столик не лед ли сумел расколоть,
И как будто изглодана зимнею стужей окружность.
Эта тень так прекрасна сама по себе, что господь
Устранился бы, верно, свою ощущая ненужность.

Боже мой, разве общий какой-нибудь замысел здесь
Представим, — эта тень так привольно и сладостно
дышит,
И свежа, и случайность, что столик накрыт ею весь,
Как попоной, и ветер сдвигает ее и колышет,

А когда, раскачавшись, совсем ее сдернет — глаза
Мы зажмурим на миг от июньского жесткого света,
Потому и трудны наши дни, и в саду голоса
Так слышны, и светло, и никем не задумано это.

* * *

Букет шиповника садового,
Сопротивляясь, был не сразу,
Лишь после натиска сурового,
Как кошка в сумку, втиснут в вазу,
И в ней, смирясь, затих,

Угрюмый вид с лица и загнанный
Сползал и тень с лица сходила,
Пока рукою исцарапанной
Цветочки в чувство приводила,
Расталкивая их.

Всем зноем сада, суматошной
Красой и мглою смуглолицей
Цветы способны в наше прошлое,
Леча от старых травм, зарыться.
Психоанализ слаб.

Ты глубину тоски измерила.
Но в нашем веке кто не болен?
Когда бы ты цветам поверила,
Их теплоте и шелку, что ли!
Их запаху хотя б.

Вся жизнь с ее размытой формой
И содержанием летучим

Зависит от того, что нормою
Считать. Насколько было б лучше
Не рыскать по шкале!

Ты б засыпала без снотворного.
Нет никого без отклонений
Сегодня в ту иль в эту сторону,
Но лучше в ту, где добрый гений —
Шиповник на столе.

* * *

К спине быка прикручена красotka
Тугим шнуром, как сверток к чемодану.
Его подрагивающая походка,
Ах, я ее описывать не стану.

Скажу лишь: он, кренясь, как парус в бурю,
По лопухам бежит, чертополоху.
И я смотрю, смотрю и брови хмурю,
Но мне не жаль кричащую дуреху.

Она сама все это заслужила,
Трясла кудрями, юбками шуршала.
Когда б не бог, то никакая сила
Ее к спине быка б не привязала.

Быка мне жаль: в горячей пене губы,
Не на волнах хрипит он — на пригорках,
И не Европу он похитил, грубый,
А Карменситу в розовых оборках.

Как долог путь, как бьется сердце бычьей
Бежит, бежит, потом в тени приляжет,
Опять бежит. . . Кричащая добыча
Ему еще, свирепому, покажет!

БОГ С ОВЦОЙ

Бог, на плечи ягненка взвалив,
По две ножки взял в каждую руку,
Он-то вечен, всегда будет жив,
Он овечью не чувствует муку.

Жизнь овечья подходит к концу.
Может быть, пострижет и отпустит?
Как ребенка, несет он овцу
В архаичном своем захолустье.

А ягненок не может постичь,
У него на плече полулежа,
Почему ему волны не стричь?
Ведь они завиваются тоже.

Жаль овечек, барашков, ягнят,
Их глаза наливаются болью.
Но и жертва, как нам объяснят
В нашем веке, свыкается с ролью.

Как плывут облака налегке!
И дымок, как из шерсти, из ваты.
И припала бы к божьей руке,
Да все ножки четыре зажаты.

* * *

Ах, сколько уловов! И дождь, вытирая слезу,
Смеется в кустах и сквозит за сырым ивняком.
И в стадо овечье пастух запускает козу,
И бедные овцы считают ее вожаком.

И логики в мире не надо искать. По холмам
От включенной тучи крадется кудлатая тень.
Откуда такое доверье к бесплотным словам?
Ах, смысл бы, как шапку, чуть-чуть надевать набекрень.

Когда влюблены, мы вполне забываем о нем.
Не то чтоб совсем от него отказаться, но знать,
Но помнить, что больше улыбкой, чем силой, возьмем.
Все мягкая травка мне снится да жесткая прядь.

Послушной отаре зато далеко не уйти:
Пастух, засыпая, бредет, словно сквозь забытье,
Коза объедает какой-нибудь куст на пути,
И топчутся овцы вокруг, поджидая ее.

* * *

И где бы я ни жил, в квартире подо мною
Строгают и стучат стамеской, молотком.
Какой там ладят ларь, братаясь с тишиною?
И, с эхом обнявшись, какой сундук с замком?

Преследует других с квартиры на квартиру
Переходящий лай и фортепьянный гул,
А мне вгоняют гвоздь в строку, как будто миру
Последний, позарез, понадобился стул.

И все же волшебство утрачено. Без тени
Бескровный свет дневной все высветлил в душе,
Где вкрадчивая тьма, и грубые ступени,
И запах мокрых кож в подвальном этаже?

Теперь такую тьму не делают. Томленье
Свечи, светобоязнь — весь этот страх забыт,
Старик, меня бы ты увидел в отдаленье,
Когда б не блеск дневной и твой конъюнктивит.

Из рембрандтовской мглы я выудил монету,
Оплывшую свечу, покинутость, ларец.
Привычка к темноте устойчивей, чем к свету,
Для выгоревших глаз и страждущих сердец.

Теперь такую жизнь не делают! Умелец
Шлифует, и стучит, и красит, и скребет,
А все-таки лежит совсем не так младенец
В коляске, и старик иначе веки трет,

* * *

Почему одежды так темны и фантастичны?
Что случилось? Кто сошел с ума?
То библейский плащ, то шлем. И вовсе неприличны
Серьги при такой тоске в глазах или чалма!

Из какого сундука, уж не из этого ли, в тщетных
Обручах и украшениях накладных?
Или все века, художник, относительны — и, бедных,
Нас то в тогу наряжают, то мы в кофтах шерстяных?

Не из той ли жаркой тьмы приводят за руку в накидке,
Жгучих розах, говорят: твоя жена.
Ненадежны наши жизни, нерасчетливы попытки
Задержаться: день подточен, ночь темна.

Лишь в глазах у нас все те же красноватые прожилки
Разветвляются; слезой заволокло.
Ждет автобус оступающихся в лужи на развилке
С ношей горестной; ступают тяжело.

И в кафтане доблесть доблестью и болью боль останутся,
И в потертом темном пиджаке;
Навсегда простясь, обнять потянутся
И, повиснув, плачут на руке,

* * *

Камни кидают мальчишки философу в сад.
Он обращался в полицию — там лишь разводят руками.
Холодно. С Балтики рваные тучи летят
И притворяются над головой облаками,

Дом восьмикомнатный, в два этажа; на весь дом
Кашляет Лампе, слуга, серебро протирая
Тряпкой, а все потому, что не носом он дышит, а ртом
В этой пыли; ничему не научишь лентяя.

Флоксы белеют; не спустишься в собственный сад,
Чтобы вдохнуть их мучительно-сладостный запах.
Бог — это то, что не в силах пресечь камнепад,
В каплях блестит, в шелестенье живет и накрапах.

То есть его, говоря осмотрительно, нет
В онтологическом, самом существенном, смысле.
Бог — совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен, и капли на листьях повисли,

Старому Лампе об этом не скажешь, бедняк
В боге нуждается, чистя то плащ, то накидку.
Бог — это то, что, наверное, выйдя во мрак
Наших дверей, возвращается утром в калитку.

ВЕСЬ ЭТОТ МИР

* * *

Весь мир, весь этот мир, весь этот
И тот, которого, быть может, вовсе нет,
Весь мир, и комната, с диваном и портретом,
Весь мир, и комната, и что это, Тибет,
Скорей по живописи, чем из книг известный?
Весь мир, и звездная сухая пыль во тьме,
Весь мир, и скошенный граненый склон отвесный
В ледовой, сохнувшей, тяжелой бахrome,
Весь мир, и комната, весь мир и даль земная,
О чем подумаю — то и мое, и все ж,
С горами, реками, всего не занимая
Меня, он чувствует: я полон им не сплошь,
Весь мир, и все-таки в моей душе пространство

Еще не занятое есть, и в зубьях скал,
И в складках волн, в меня и звездное убранство
Впихнув, и комнату, и ночь, о, как он мал!

* * *

Никем, никем я быть бы не хотел,
И менее всего — царем иль ханом,
Нестрог бы суд мой был, я б не сумел
Внушить озноб ни подданным, ни странам
Соседним; льстец бы втерся, как елей,
Воображаю жалкие детали,
Весь этот стыд, — и правил бы моей
Землей, и только профиль на медали
Подслеповатый был бы, точно, мой.
Куда мне править? Выбрать между чаем
В гостях и кофе трудно мне. . . Домой
Хочу! А то, в чем мы души не чаем,
Что нам всего дороже на земле,
За что не жаль и жизнь отдать, и славу,
Под яркой лампой ждет нас на столе,
И шелестит, и нам дано по праву.

И много ль нас, внимательных, как я,
Стихом сегодня, может быть, владеют,
И ночь идет, и нету забытья
Сильней, чем это. . . Звуки пламенеют.
Подделать, кроме, может быть, огня,
Огня, огня, — возможно все на свете.
Слух раскален. . . Ни слова за меня!
Я сам скажу, я сам за все в ответе.

А в Мойке, рядом с замком Инженерным,
Мы донную увидели траву. . .

Итак, река, как все земные реки,
Как Суйда или Оредеж, хотя
С прекраснейшим чудовищем навеки
Обручена, завися от дождя
Не больше, чем от поручней чугунных,
Опор гранитных, рослых фонарей.
И все-таки в ее подводных струнах
Натянутых — есть что-то от полей,
Кустарника, лужаек, сенокоса.
Парадная, она вам не канал!
И склонна невзначай престоволосой,
Неприбранной вбежать в дворцовый зал,
Отдернуть штору, тенью бледнолицей
Мелькнуть в окне, пропеть, прошелестеть. . .
Так женщину, наверное, в царице
Кому-нибудь случилось разглядеть.

Любимая, что мы еще подметим?
В какой заглянем двор, в каком саду
Скамью найдем под липой, на две трети
Облитой солнцем, прячась в темноту,
Отбрасываемую нижним слоем
Густой листвы? Как сырость веселит,
Попахивающая перегноем
Культурной почвы, славы и обид —
Трехвекового честного служенья
Морскому ветру, музам и мечте
Среди невзгод, обратного течения
И судорог, бегущих по воде!

И, голову кладя мне на колени,
Как вещь, едва ли что-нибудь с душой
Имеющую общее, — мгновенье
Лежишь, быть может, донною травой
Себя в безвольно вытянутой позе
Смиренно ощущая — ни тоски,
Ни горечи, — и горести относит,
И волосы, и холодит виски.

* * *

Проходя Дарданеллами, кто-то пытается штампы
Обойти в дневнике, выбрать перья потоньше и кисти,
По сравнению с Европою Азия выглядит, как бы
Это лучше сказать, — желтоватее и каменистей.
Она выглядит старше, потасканней, если такое
Допустимо сравненье, на пенсию вышедшей, что ли.
Только разница мало заметна. Он машет рукою
Тем и этим, ни этой, ни той не завидуя доле.

Рудовоз, сухогруз и баркас под брезентовым тентом
Еле тянутся, тихие, в благоговейном молчанье.
Если впрямь отношение к двум проявить континентам,
То, наверное, так, как великий один англичанин,
Переплывший пролив майским утром десятого года
На утеху и зависть читателям прошлого века.
Вот когда все увидели, как мускулиста свобода,
Атлетична, хотя бы всего одного человека!

Возвращаясь к тому, кто сегодня к султанской столице
Приближается, в синих проливах топчась, как
в прихожей, —
Я придумал его, он тускнеет уже и двоится,
И, увы, на меня начинает быть чем-то похожим.

Путешественник видит в конце поездки,
Что устал и ему надоели виды.
Кипр как Кипр, все примерно равны отрезки,
Просто пена, и нет никакой Киприды.
Просто берег пологий, белесоватый,
А за ним в глубине проступают горы.
Путешественник видит полей заплаты,
Пятна зелени, складки земли и поры.

Путешественник видит, что знаменитых
Мест основа составлена из известных
Элементов: земли, скал, волной подмытых,
И двух-трех ненадежных речушек пресных,
Что касается местной толпы, и зданий,
И развалин, — он чувствует, что впитала
Память все это с верхом, — очарований
Для него на земле еще меньше стало.

Пожалеет его. Между тем прохладный
Поддувает с Невы ветерок залетный.
Ты стоишь в глубокой своей парадной,
Нишевидной, гулкой, гротоподобной,
И, застыв, на лепную похож затею,
Нерешенной какою-то занят мыслью,
И, как кипрский крестьянин, живешь своею
Непонятной туристу завидной жизнью.

Я в Грузии. Я никого не знаю.
Чужая речь. Обычай чужие.
Как будто жизнь моя загнулась с краю,
Как будто сплю — и вижу голубые
Холмы. Гуляет по двору сорока.
Когда б я знал, зачем, забыв гнездовье,
Ума искать и ездить так далеко,
Как певчая говаривала Софья.

Ах, видишь ли, мне нравится балкончик,
Такой балкончик длинный, деревянный.
Прости меня, что так ответ уклончив,
Как этот выступ улочки гортанной,
Не унывай. Ведь то, что с нами было,
Не веселей того, что с нами будет.
Ах, видишь ли, мне нравятся перила,
А все хотят, чтоб здания и люди,

Само собой, и здания, и люди!
Но погибать я буду — за балкончик
Я ухвачусь — и выскочу из жутй,
И вытру пыль, и скомкаю платочек.
Меня любовь держала — обвалилась.
Всех тянет вниз, так не сдавайся ты хоть,
Ах, Грузия, ты в этой жизни — милость,
Пристройка к ней, прибежище и прихоть!

* * *

В горной Грузии, кажется, черных как смоль поросят
Видел, им надевают на шею чудной треугольник
Деревянный, затем чтоб они в огород или сад
Не могли забрести, — поросенок бредет, как невольник.

Боже, как эта пыль на горячей земле хороша!
Как смешны и грубы деревенских хозяек уловки!
Жить и жить бы на свете, подробностями дорожа.
И еще ветерок веет с поля там, как из духовки.

И такие глаза у закованных этих бродяг,
И такой фантастической кажется тень на заборе
Треугольная, — жизнь представляется лучшим из благ,
Просто жизнь, просто тень, просто камни в цементном
растворе.

Почему бы, скажи, в небылицу не верить и миф,
Почему бы не мог двухголовый родиться теленок,
Если ветви раздвоенных гнутся орехов и слив
И так тонко мотив подбирает пищалка спросонок?

* * *

Кавказской в следующей жизни быть пчелой,
Жить в сладком домике под синюю скалой,
Там липы душиные, там глянцевые кроны,
Не надышался я тем воздухом, шальной
Не наслаждался я речной волной зеленой,

Она так вспенена, а воздух так душист!
И ходит, слушая веселый птичий свист,
Огромный пасечник в широкополой шляпе,
И сетка серая свисает, как батист.
Кавказской быть пчелой, все узелки ослабив.

Пускай жизнь прежняя забудется, сухим
Пленившись воздухом, летать путем слепым,
Вверяясь запахам томительным, роскошным.
Пчелой кавказской быть, и только горький дым,
Когда окуривают пчел, повеет прошлым.

* * *

На узбекском базаре такая является мысль:
Не придется ли в будущей жизни родиться узбеком?
О, еще раз на сладкие эти ряды оглянись,
Улыбнись старику с воспаленным, слезящимся веком.

Потому что не видел голландцев, норвежцев, датчан,
И недаром тебе подарили вчера тубетейку.
Говори, но негромко: под камнем лежит Тамерлан,
Он удавку пришлет, и похожа удавка на змейку.

Голубой, бирюзовый, зеленый, как чай, изразец.
Про дорический ордер забудь, барельеф и скульптуру.
Скоро, скоро возьмут собирать тебя хлопок-сырец,
Запускать по три пальца в густую его шевелюру.

Из коробочки жесткой сухое торчит волокно,
Словно в белый бутон упакована теплая вата.

Желтоглазого мальчика встретил я возле кино,
Он на фильм итальянский хотел проскользнуть воровато.

Бледноватое что-то сквозило в его смуглоте.
На картину детей до шестнадцати лет не пускали.
Нас лепили из глины. Но разная глина везде.
В этой — стойкости больше, а в той — белизны и печали.

ПЯТАЯ СТИХИЯ

* * *

Л. Дубшану

Бессмертие — это когда за столом разговор
О ком-то заводят, и строчкой его дорожат,
И жалость лелеют, и жаркий шевелят позор,
И ложечкой чайной притушенный ад ворошат.

Из цепла вставай, перепачканный в саже, служи
Примером, всё письма и все дневники раскрывай.
Так вот она, слава, земное бессмертье души,
Заставленный рюмками, скатертный, вышитый рай.

Не помнят, на сколько застегнут ты пуговиц был,
На пять из шести? Так расстегивай с дрожью все
шесть.

А ежели что-то с трудом кое-как позабыл —
Напомнят, — на то документы архивные есть,

Как бабочка, ты на приветный огонь залетел.
Синеют ли губы на страшном нестрашном суде?
Затем ли писал по утрам и того ли хотел?
Не лучше ли тем, кто в ночной растворен темноте?

* * *

«И глянцеви́тый верх манящей нас
пролетки...»

Анненский

Ты здесь, поблизости... Скажи, когда распался
Круг заколдованный... когда кабриолет
Свернул на просеку и в роще затерялся...
Посмертной славою доволен ли, согрет?

Когда фиакр с шоссе, когда с моста карета
В аллею черную, кренясь без колеи,
Под зыбким дождиком... Иль в туче нет просвета?
Мгла не поделена на складки и слои?

Певцы успешные... попробуй перечисли
Их всех, набившихся под общий переплет...
Зато мелодия, чем ей трудней при жизни
Творца, тем явственней она потом поет.

Ты здесь, поблизости... Скажи, когда, с дороги
Свернув, по рытвинам полпелся экипаж...
Все парк мне видится в дождливой поволоке,
Все финский плачущий мерещится пейзаж.

Когда ландо в кусты, когда в сирень пролетка...
От современников туманом гений скрыт.
Зато бездарности себя являют четко,
Весь шрифт идет на них, вся пленка, весь лимит.

Как зубчик в выемку в зубчатой передаче,
Как пальцы с пальцами в волнение сплетены,
Так ты, невидимый, верней, так я, незрячий,
Сцепление чувствую, так явь заходит в сны.

* * *

Мне весело, что Бакст, Нижинский, Бенуа
Могли себя найти на прустовской странице
Средь вымышленных лиц, где сложная канва
Еще одной петлей пленяет, — и смутиться
Той славы и молвы, что дали им на вход
В запутанный роман прижизненное право,
Как если б о себе подслушать мнение вод
И трав, расчесанных налево и направо.

Представьте: кто-нибудь из них сидел, курил,
Читал четвертый том и думал отложить — и
Как если б вдруг о нем в саду заговорил
Боярышник в цвету иль в туче небожитель.
О музыка, звучи! Танцовщик, раскружи
Свой вылепленный торс, о живопись, не гасни!
Как весело снуют парижские стрижи!
Что путаней судьбы, что смерти безопасней?

* * *

В этом мире плотном, волокнистом,
Выхлопными газами дышать
Научившем, жестком, каменистом, —
Где альбом и школьная тетрадь?

Нумизматом быть, филателистом!
Над почтовой бабочкой дрожать!

В этом веке, щупальцы стальные
Запустившем в мысли и дела,
Медные лелеять, проливные,
Золотые, смуглые тела.
Нумизматика, филателия!
Примостившись с краешка стола.

В этой смуте, в реве этом грозном,
От сырых забот отгородясь,
Про метель забыв в окне морозном,
Лишь узор разглядывать и вязь. . .
Я бы спасся, может быть, но поздно!
Векдохнул — и страсть не принялась.

* * *

Вот статуя в бронзе, отлитая по восковой
Модели, которой прообразом гипсовый слепок
Служил — с беломраморной, римской, отрытой в одной
Из вилл рядом с Тиволи, долго она под землей
Лежала, и соң ее был безмятежен и крепок.
А может быть, снился ей эллинский оригинал,
До нас не дошедший. . . Мы копию с копии сняли.
О ряд превращений! О бронзовый идол! Металл
Твой зелен и пасмурен. Я, вспоминая, устал,
А ты? Еще помнишь о веке другом, матерьяле?

Ты все еще помнишь. . . А я, вспоминая, устал.
Мне видится детство, трамвай на Большом, инвалиды,

И в голосе диктора помню особый металл,
И помню, кем был я, и явственно слишком — кем
стал,
Все счастье, все горе, весь стыд, всю любовь,
все обиды.
Забуть бы хоть что-нибудь! Я ведь не прежний,
не тот.
К тому отношения вовсе уже не имею.
О, сколько слоев на мне, сколько эпох, — и берет
Судьба меня в руки, и снова скоблит, и скребет,
И плавит, и лепит, и даже чуть-чуть бронзовею.

* * *

Поэзия — явление иной,
Прекрасной жизни где-то по соседству
С привычной нам, земной.
Присмотримся же к призрачному средству
Попасть туда, попробуем прочесть
Стихотворенье с тем расчетом,
Чтобы почувствовать: и правда, что-то есть
За тем трехсложником, за этим поворотом.

Вот рай, пропитанный звучаньем и тоской,
Не рай, так подступы к нему, периферия
Той дивной местности, той почвы колдовской,
Где сердцу пятая откроется стихия.
Там дуб поет.
Там море с пеною, а кажется, что с пеньем
Крадется к берегу, там жизнь, как звук, растет,
А смерть отогнана, с глухим поползновеньем,

В полуплаще, одна из аонид —
Иль это платье так на ней сидит? —
В полуплюще, и лавр по ней змеится,
«Я — чистая условность, — говорит, —
И нет меня», — и на диван садится.

Ей нравится, во-первых, телефон:
Не позвонить ли, думает, подружке?
И вид в окне, и Смольнинский район,
И тополей кипящие верхушки.

Каким я древним делом занят! Что ж
Все вслушиваюсь, как бы поновее
Сказать о том, как этот мир хорош?
И плох, и чужд, и нет его роднее!

А дева к уху трубку поднесла
И диск вращает пальчиком отбитым.
Верти, верти. Не меньше в мире зла,
Чем было в нем, когда в него внесла
Ты дивный плач по храбрым и убитым.

Но лгать и впрямь нельзя, и кое-как
Сказать нельзя — на том конце цепочки
Нас не простят укутанный во мрак
Гомер, Алкей, Катулл, Гораций Флакк,
Расслышать нас встающий на носочки.

«Есть музыка в прибрежном тростнике».
Латинский стих я подержал в руке.
Прижать его к губам, подуть — польется
За звуком звук и в сердце отзовется,
Мы музыку из дудки достаем,
А думаем, что это мы поем. . .
А все же в песне дорого, Авзоний,
Что и не снилось мокрому песку,
Речной волне, сырому тростнику, —
Какой-то звук щемящий, посторонний.

ПУЛКОВО

Подозревается звезда,
Что у нее есть спутник темный.
Срывает в Пулкове с куста
За каплей каплю ветр бездомный.
(Видна меж веток тень гнезда.)

Фотографированье звезд,
Обмеры их и обработка. . .
Земля, земля, контрольный пост
Вселенной, видимой нечетко!
(Торчит наружу птичий хвост.)

Мерцал серебряный браслет,
Сверкали капли на отлете. . .
Через десяток светолет
За фотографией зайдете!
(Пух реет в прутьев переплете.)

Так вот где Греция! Сметен
Наивный мир ее устоев,
Но в небе тесно от имен
Богов, кентавров и героев.
(Увы, недолог птичий сон.)

(На два часа дано уснуть.)
Напоминает Млечный Путь
Рентгеноснимок: та же дымка
И тьма межреберная. . . Грудь
Прижал к экрану Невидимка.

Он болен жизнью. Комаров
Не счесть, и жалят, настигая.
Мы на окраине миров,
Вот почему печаль такая!
(Недолог сон, непрочен кров.)

Любовь моя, беду терпя,
Душа свеченье излучает.
Материя сама себя
Всю ночь прилежно изучает.
(Жилье колышет и качает.)

(О ночничок на пять свечей!)
Земля в сиянии лучей,
Кусты с их яркими слезами.
Не прилетайте к нам! Ничьей
Не надо жалости. Мы сами.

Вспухают кроны, дышит грунт
И горизонт круглится плавный.
Земля, земля, контрольный пункт
Добра и зла, борьбы неравной!
(Когда б не птичий контрапункт...)

Среди жасминовых кустов
Меня по Пулкову водили.
Астрономических трудов
Невероятны будни были.
(Ты кто, из пеночек, дроздов?)

(Твой тихий вскрик похож на хруст.)
Когда б не белый этот куст,
Не белый куст за бледной мглою,
Когда б не горечь этих чувств,
Когда б не жизнь моя с тобою...

СОДЕРЖАНИЕ

НА ЯЗЫКЕ ЛИСТЫ

«Небо ночное распахнуто настезь — и нам...»	3
«Ночной листы тяжелое дыханье...»	4
Ночная бабочка	5
«Ах, эта ночь, этот плащ на железном гвозде...»	5
«За что? За ночь. За яркий по контрасту...»	6
«Спи, спи, пока ты спишь, я буду у стола...»	7
«О чем говорил я? Ведь смертные наши слова...»	8
«По рощам блаженных, по влажным зеленым холмам...»	8

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

«Страна, как туча за окном...»	10
«Нет лучшей участи, чем в Риме умереть...»	11
«Ваш выход — на мороз, и зрители выходят...»	12
«В тридцатиградусный мороз представить света...»	13
Снег	14
«На петербургских старинных гравюрах...»	14
Таврический сад	16
«На всех людей, что жили на земле...»	16
«Что мне весна? Возьми ее себе!...»	17
Павловск	18
«И в следующий раз я жить хочу в России...»	19

ПОД БУРЕЙ, ПОД ВЕТРОМ

«Любовь, уступчивость, боязнь обидеть словом...»	20
«Любовь не связана с благоустройством...»	21
«Какая-то птица спросонок в гнезде встрепенулась...»	21
«Стихи, в отличие от смертных наших фраз...»	22
«Твой голос в трубке телефонной...»	23
«И нашу занятость, и дымную весну...»	24
«Мне снился сон: ты в тамбуре с другим...»	24
«В одном из ужаснейших наших...»	25
«Какой-то волосок мешает говорить...»	26
«На берегу реки, название которой...»	27
«И хотел бы я маленькой знать тебя с первого дня...»	27
«Когда я у полки, одну выбираю из книг...»	28
Ночь	29
«Как можно на лилию долго смотреть, любоваться...»	30
«Среди ночных полей, покатыми холмами...»	30

ЕМУ НУЖНЫ ВЕКА

«На выбор смерть ему предложена была...»	32
Сон	33
«Я знаю, почему в Афинах или Риме...»	34
«Как пуговичка, маленький обол...»	34
«Когда шумит листва, тогда мне горя мало...»	35
«Какой, Октавия, сегодня ветер сильный!...»	36

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Весна	37
«Орнитолог, рискующий ласточку окольцевать...»	38
«Как уголь чистит белых лошадей...»	38
«Полнеба заволок подробный материк...»	39
«Пойдем! Поедем! — говорят...»	40
«По эту сторону таинственной черты...»	40
«Не из всякого снега слепить удается снежок...»	41

«И ужасы ждут на дороге...»	41
Подражание древним	42
«Прости, волшебный Вавилон...»	43
«Как буйно жизнь кипит на стенках саркофага!...»	44

КАК ВСЕ ИЗМЕНЧИВО!

«То, на что не надеешься, предпочитает сбываться...»	45
Банкет	46
«Словно войлоком снизу подбитый, колючий, зубчатый...»	47
«Вы, облако и сад...»	48
«И если спишь на чистой простыне...»	49
«И дарю своему взрблеющий художник...»	50
«Нет, не вы всех счастливей, а этот, в вагонном окне...»	50
«Мне кажется, что жизнь прошла...»	51
«Жизнь кончилась, а смерть еще не знает...»	52
«Что шума деревьев просторней и шире?...»	53

БЕССОННОЕ, ШУМИ!

«Кто первый море к нам в поэзию привел...»	54
Флейтист	55
«Машина вдоль пляжа бежит у волны на виду...»	56
«Когда впервые мы с тобой...»	57
«Эти камешки, кажется, ждут своего Демосфена...»	58
«Заветные стихи про южный берег, ночью...»	59
«Мы спорили, вал белопенный был нашему спору под стать...»	59
«На паутину похоже с такой высоты...»	60

В НОВОМ РАКУРСЕ

Пчела	62
«Весь день ботаникою занята пчела...»	63
«Песчинки, камешки, клочки сухой резины...»	64
«Партитура с неровной ее бахромой...»	65

«А воз и ныне там, где он был найден нами...»	66
«Сегодня грустно мне: вчера я счастлив был...»	67
Вырица	67
«Все на стайку бы рыбок смотрел...»	70
«Как бабочка, как бабочка ни разу...»	71
«Хлебом меня не корми, но позволь заглянуть...»	71

ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

«Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...»	73
«Букет шиповника садового...»	74
«К спине быка прикручена красотка...»	75
Бог е овцой	76
«Ах, сколько уловок! И дождь, вытирая слезу...»	77
«И где бы я ни жил, в квартире подо мною...»	77
«Почему одежды так темны и фантастичны?..»	78
«Камни кидают мальчишки философу в сад...»	79

ВСЕ ЭТОТ МИР

«Весь мир, весь этот мир, весь этот...»	81
«Никем, никем я быть бы не хотел...»	82
«А в Мойке, рядом с замком Инженерным...»	83
«Проходя Дарданеллами, кто-то пытается штампы...»	84
«Путешественник видит в конце поездкн...»	85
«Я в Грузии. Я никого не знаю...»	86
«В горной Грузии, кажется, черных как смоль поросят...»	87
«Кавказской в следующей жизни быть пчелой...»	87
«На узбекском базаре такая является мысль...»	88

ПЯТАЯ СТИХИЯ

«Бессмертие — это когда за столом разговор...»	90
«Ты здесь, поблизости... Скажи, когда распался...»	91
«Мне весело, что Бакст, Нижинский, Бенуа...»	92

«В этом мире плотном, волокнистом...»	92
«Вот статуя в бронзе, отлитая по восковой...»	93
«Поэзия — явление иной...»	94
«В полуплаще, одна из аонид...»	95
«„Есть музыка в прибрежном тростнике“...»	96
Пулково	96

Кушнер А.

К 96 Таврический сад: Стихи. — Л.; Сов. писатель, 1984 — 104 с.

Острое ощущение истории и современности пронизывает эту книгу — и когда речь заходит о месте человека в сегодняшнем мире, и когда поэт обращается к темам любви и природы, и в стихах о нынешнем Ленинграде.

К $\frac{4702010200-328}{083(02)-84}$ 198—84

ББК 84.Р7

Александр Семенович Кушнер

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1984, 104 стр.
План выпуска 1984 г. № 198

Редактор И. С. Кузьмичев
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Е. Ф. Шареева
Корректор И. Г. Клейнер

ИБ № 4230

Сдано в набор 5.08.83. Подписано к печати
30.09.83. М 35152. Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип.
№ 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 3,44. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1472. Цена 40 коп.

Издательство «Советский писатель». Ленинград-
ское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинград-
ская типография № 5 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 190000,
Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

40 К.

